

Он должен был быть тем, кто сделает это. Даже если Рон и Гермиона будут с ним на охоте за крестражами, он совершенно не собирался подпускать их близко к Волдеморту во время финальной битвы. Он уничтожит Волдеморта и, возможно, умрет в процессе, но он будет уверен, что ни один из его друзей не окажется рядом с ним, когда это произойдет. Он не мог допустить, чтобы кто-то из них стал еще одним запасным вариантом. Особенно Джинни. В его сознании непроизвольно возник образ безжизненных глаз Седрика, смотрящих из его обмякшего тела на кладбище. Гарри вздрогнул, когда его разум разыграл трюк и превратил тело в Джинни. Ее теплые карие глаза - глаза, способные растопить айсберг, - уставились на него пустым, почти обвиняющим взглядом. Он не мог этого допустить. Он не мог. Он бросил взгляд на Рона и Гермиону и увидел, как Гермиона вытирает салфеткой джем, который все еще оставался в уголке рта Рона. Было бы неправильно со стороны Гарри лишать их этого счастья, как бы сильно ни болело его сердце. Разве профессор МакГонагалл не говорила, что профессор Дамблдор был бы счастлив больше всех, если бы считал, что в мире стало немного больше любви? Он лично сказал Гарри, что любовь - его величайшая сила, так почему же он отталкивает её? Нет! Для Джинни и для него все было по-другому. Для него всегда все было по-другому, и в итоге он только добивал ее или заставлял смотреть, как он умирает. Нет. Для ее же блага лучше было держать ее подальше. Он не хотел бы, чтобы она испытала тот ужас и боль, которые он чувствовал, наблюдая за тем, как Сириус проскользнул сквозь вуаль. Гарри покачал головой, укрепляя свою решимость. Так и должно было быть. Гарри покачал головой, укрепляя свою решимость. Так и должно было быть. "Окай." Голос Гермионы вывел Гарри из задумчивости. "Давай начнем с этой комнаты. Она определенно нуждается в улучшении".

Она нахмурилась, окинув взглядом стопки сломанных игрушек, нагроможденных в углу, и обветшалую кровать Гарри. Она достала из рукава свою палочку. "Мы не можем использовать магию", - быстро сказал Гарри. "Министерство не может определить, кто творит магию, только то, что это делается здесь, и я получу еще один выговор. Дамблдор сказал мне, что именно поэтому я получил письмо, когда Добби левитировал пудинг моей тети". "Не волнуйся, приятель", - сказал Рон, его рот все еще был полон пирожных. "Мой папа сказал, что он сообщил Матильде Хопкирк из Министерства, что мы с Гермионой останемся здесь этим летом, и мы оба совершеннолетние". "Значит... тогда... они ничего не сделают, если я воспользуюсь своей палочкой. Верно?" спросил Гарри, нахмутив брови. "Нет, Гарри", - твердо сказала Гермиона. "Ты все еще несовершеннолетний, и мы должны играть по правилам, если хотим избежать неприятностей со стороны Министерства. Они все еще могут использовать Приори Инконтантум, чтобы проверить, использовалась ли твоя палочка. Позволь нам с Роном разобраться с заклинаниями, пока мы здесь". Гарри нахмурился, чувствуя, как в его сердце зарождается старая, знакомая обида. Дамблдор всегда пытался оградить его, и посмотрите, как хорошо это в итоге обернулось. "Да. Я просто буду сидеть сложа руки и быть хорошим маленьким мальчиком - как я всегда делаю". "Точно", - сказал Рон, слегка поперхнувшись кусочком своего пирожного. "Ты так хорошо умеешь держаться подальше от неприятностей. Это не наша вина, что ты такой молодой".